

Гора в подарок

Сун Цяньцзи спал безмятежно, ибо сердце его не ведало ни забот, ни тревог.

Но в эту пьянящую весеннюю ночь, озарённую ясной луной, многим было не до сна.

Шесть Мудрецов с Зелёного Утёса не спали.

Несмотря на смертельную усталость, их яркие зелёные одежды поблекли и, сморщившись, прилипли к телам, напоминая увядшие солёные овощи. Воспоминания о дневных событиях до сих пор вызывали трепет в их сердцах.

— Судя по тону этого мальчишки по фамилии Сун, он и впрямь может быть знаком со Старшим братом Проктором, — с трудом проговорил юноша в одеянии цвета луковой зелени. — Всё, что мы о нём знаем, — это однобокие рассказы дьякона из школы Хуавэй. Что, если он...

— Пустое бахвальство! Если бы он был знатного происхождения, то с чего бы ему прозябать во внешней школе Хуавэй в качестве простого ученика? — возразил другой, облачённый в парчу цвета зелёных бобов.

— Но он не работает и не совершенствуется, целыми днями сидит за закрытыми воротами и копается в земле, живёт припеваючи, словно какой-нибудь предок. Разве так ведут себя ученики внешней школы?

— Даже чудовищная гримаса его не напугала. Неужели мы так это оставим?

— Нельзя это так оставлять! — юноша в ядовито-зелёном одеянии хлопнул ладонью по столу.

По их первоначальному плану, Сун Цяньцзи, испугавшись, должен был ранить Хэ Цинцин. Тогда бы они, «заступаясь» за свою боевую сестру, один за другим применили бы свои магические артефакты и как следует проучили бы его.

Так они и отмстили бы, и остались бы правы. Раз Сун Цяньцзи напал первым, по правилам Собрания его бы ждало наказание.

Поэтому, прежде чем отправиться ко двору Суна, они уже раструбили об этом повсюду, надеясь, что как можно больше людей станут свидетелями грядущей сцены.

Кроме учеников внешней школы Хуавэй, действительно нашлось немало тех, кто видел или

знал об этом происшествии.

Если им не удастся восстановить свою репутацию, то за их спинами ещё долго будут перешёптываться и смеяться. Как они после такого смогут поднять голову среди отпрысков благородных кланов всего мира совершенствующихся?

Дело зашло так далеко, что Мяо Янь уже почти не имела к нему отношения. Это стало делом личной вражды.

— Я велел своему слуге собрать о нём все сведения, до мельчайших подробностей, — юноша в ядовито-зелёном извлёк из рукава стопку бумаг.

— Зная себя и зная врага, можно пройти через сто битв без поражений. Сегодня мы лишь на мгновение потеряли бдительность, позволив ему захватить инициативу. На самом деле этот Сун не так уж страшен, более того, у него есть очевидная слабость!

Они схватили бумаги и, пробежав их глазами, просияли.

— Тот свирепый юноша рядом с ним, — медленно произнёс юноша в ядовито-зелёном, — зовётся Мэн Хэцзэ. Во время вступительных экзаменов во внешнюю школу он провёл триста поединков подряд и одолел всех без исключения. А Сун Цяньцзи был ранен и не участвовал. С тех пор никто не видел, чтобы Сун Цяньцзи совершенствовался или практиковался с мечом. Он целыми днями занят лишь возделыванием земли...

— На пути совершенствования кто не движется вперёд, тот откатывается назад. Сун Цяньцзи, без сомнения, талантлив и может наставлять других учеников, но сам он лишь теоретик, а не практик. Его собственная боевая мощь определённо невысока!

Атмосфера наконец-то вновь оживилась.

— Видя, каким авторитетом он пользуется во внешней школе, я уж было решил, что он значительная фигура, а оказалось, он способен лишь прятаться за чужими спинами и полагаться на чужую защиту!

— Внешняя школа — это территория Сун Цяньцзи. Нам нужно придумать способ выманить Мэн Хэцзэ, чтобы Сун Цяньцзи остался один. Заманим его в укромное, безлюдное место... и, если действовать осторожно, не оставляя улики, ему придётся молча проглотить обиду.

Кто-то с улыбкой пожаловался:

— Действовать на территории чужой школы — та ещё морока. К счастью, выход есть.

— Кстати, вот ещё что, — с тревогой в голосе сказал один из них. — Я на обратном пути так разозлился, что сломал цитру младшей боевой сестры Хэ. Она убежала. Как думаете, не пойдёт ли она жаловаться...

Юноша в ядовито-зелёном, обмахиваясь веером, презрительно фыркнул:

— Такая, как младшая боевая сестра Хэ, даже если её в лепешку раскатать, дай ей хоть восемьдесят раз набраться смелости, всё равно не посмеет пойти жаловаться.

— И то верно! Ха-ха!

Они дружно рассмеялись.

Чжао Юйпин тоже не спал.

Он заваривал чай для другого человека, и делал это с трепетом и подобострастием.

Тот, хоть и сидел спокойно, попивая чай, походил на сгусток яростно пылающего огня, готового в любой миг взорваться и броситься убивать.

Кто бы мог подумать, что один из владык пиков школы Хуавэй, Чжао Тайцзи, в эту ночь удостоит своим присутствием Зал Дьяконов, чтобы выпить чаю.

Ночь была глубокой и тихой. Кто в такое время не желает медитировать, вбирая в себя духовную энергию неба и земли?

Во всём был виноват Сун Цяньцзи.

Два дьякона, днём встречавшие Шесть Мудрецов, были посланы Чжао Юйпином.

И сведения о Сун Цяньцзи, которые получили мудрецы, также были переданы по его тайному указанию. Опасаясь, что они могут проявить нерешительность, он даже скрыл роль Чэнь Хунчжу во всей этой истории.

И это было только начало.

Сун Цяньцзи оказался куда более крепким орешком, чем они предполагали.

Пятнадцатилетний юноша, и такое самообладание!

Такие люди злопамятны. Добром это точно не кончится.

Им придётся действовать, рискуя навлечь на себя гнев того человека.

— Первым придумал эту интригу ты, а во Дворце Цянькунь нанёс удар я! Так что вражда у него не с главой школы, не со школой Хуавэй, а с нашей семьёй Чжао из Тяньбэй. Понимаешь? — Чжао Тайцзи с громким стуком поставил чашку и холодно произнёс.

— Нельзя питать иллюзий, и уж тем более нельзя позволить ему стать вторым... — он беззвучно прошептал три иероглифа.

— Сянь... Цзянь... Чэнь.

Даже не во Дворце Цянькунь, без угрозы удара молнии, никто не хотел произносить это имя без крайней нужды.

— Дождись, пока эти шестеро дураков разработают свой план. Как только они начнут действовать, мы заменим их нашими людьми. Сорняки нужно вырывать с корнем!

Чжао Юйпин всё время почтительно соглашался, утратив всю свою обычную надменность.

Сянь Цзяньчэнь, конечно, страшен, но до него далеко, как до неба. Если убить чужими руками, да так искусно, что даже Сянь Цзяньчэнь, воспылав праведным гневом, решит отомстить за своего случайного ученика, то мстить он будет другим, а они останутся ни при чём.

— К счастью, это был всего лишь тот человек, — неожиданно с облегчением выдохнул Чжао Тайцзи.

Этому Сун Цяньцзи, можно сказать, не повезло: три года не мог попасть во внутреннюю школу. Но ему и повезло: он встретил Сянь Цзяньчэня.

А можно сказать, не повезло: хоть он и получил наставления от Бога Меча, но тот подобен дракону — появляется и исчезает по своей воле. Погрязший в собственных распрях, он скитается по четырём морям. Какое ему дело до ученика?

«Один бессмертный, один демон, один мудрец и один бог». Если бы вместо Бога Меча был кто-то из трёх других, они бы и пальцем его не тронули, не осмелились бы, и им осталось бы только поклониться судьбе.

— Я получил точные сведения, — сменил тему Чжао Тайцзи. — И Мудрец каллиграфии, и Демон ци намерены передать своё наследие, но никак не могут найти преемников. На этом Собрании ты должен всё устроить так, чтобы создать нашим отпрыскам наилучшие условия.

Закончив с планами по «уничтожению врага», он перешёл к планам по «усилению себя».

Чжао Юйпин вздрогнул, вспомнив о двух прославленных гениях из главной ветви семьи, и поспешил заверить в своей преданности:

— Я слышал, что молодой господин Линь с детства изучает искусство формаций и ци, и во всём уезде Цинъань ему нет равных. А молодой господин Му семь лет усердно постигал каллиграфию, живопись и искусство талисманов, и теперь может создавать талисманы одним движением кисти. В этот раз Собрание проводит школа Хуавэй, а я занимаю должность в Зале Дьяконов. Время, место и люди — всё на нашей стороне. Сами небеса благоволят нашему клану!

— Если хотя бы один из них удостоится внимания великого мастера и унаследует его учение, это обеспечит процветание нашего клана на двести лет вперёд! — выражение лица Чжао Тайцзи немного смягчилось.

Чжао Юйпин поспешил поддакнуть:

— Оба молодых господина — гении, каких свет не видел. Быть может, расцветут два цветка и удача улыбнётся нам дважды.

Слуга Сяо Чжо, сжимая в руке талисман «Бессовестный торгаш», словно нёс взрывчатку, понуро брёл к пруду.

День был ясный и погожий, ивы зеленели, солнце сияло.

Но вода в пруду была черна как смоль и не отражала ни единого луча.

Под весенним ветерком у кромки воды сидел старец и удил рыбу. Леска его была неподвижна, словно гора.

На нём было просторное и удобное белое одеяние, безупречно чистое, как и его волосы, что ещё сильнее подчёркивало черноту пруда, казавшегося бездонным.

За его спиной стоял совершенствующийся средних лет в зелёном одеянии.

В трёх чжанах позади него, понурив головы, стояло ещё с десятков совершенствующихся в одеждах академии «Зелёный Утёс». Их аура стадии Зародыша души была полностью скрыта, они не смели выпустить и её толики.

В огромном Пруду с тушью не было ни одной рыбы.

К счастью, старец просто любил рыбачить и не заботился о том, клюёт ли.

Сяо Чжо остановился в трёх чжанах и поклонился. Лишь после жеста мужчины в зелёном он подошёл ближе.

— Господин, ректор.

Старик, словно очнувшись ото сна, очень любезно и приветливо сказал:

— А, Сяо Чжо пришёл! Что нового в лавке?

Сяо Чжо, собравшись с духом, протянул талисман «Бессовестный торгош»:

— Вчера случилось нечто странное. Старейшину Чжэна так разозлил этот талисман, что он заболел.

Он рассказал обо всём подробно, не упустив ни одной детали.

Старик слушал с полуприкрытыми глазами, будто ему рассказывали сказку.

Спустя долгое время Сяо Чжо показалось, что старец уснул. Он уже колебался, не стоит ли его окликнуть, как вдруг услышал смеющийся голос старика:

— А может, он уже знает, кто вы такие. Эти два иероглифа он написал для меня. Что-нибудь ещё он говорил?

— Он выдвинул одно требование. Сказал, что хочет... — Сяо Чжо запнулся, совершенно сбитый с толку. — Гору. Сказал, что пока мы не подарим ему гору, он больше не возьмётся за кисть.

Старик на миг замер, а затем громко рассмеялся. По Пруду с тушью пошла рябь.

— Почему вы смеётесь?

— Я вспомнил одну шутку. Радоваться в одиночестве не так весело, как вместе со всеми. Подойдите, послушайте.

Все, ещё не услышав шутки, уже начали смеяться. Громче всех смеялся Сяо Чжо.

Для Мудреца каллиграфии быть в настроении рассказывать шутки — само по себе было великой радостью.

Старик рассказывал шутку так же, как читал книгу, неспешно и размеренно:

— Один бессмертный чиновник, желая проверить веру жителей своих земель, переоделся в простолюдина и спросил у одного крестьянина: «Если бы у тебя был дворец, пожертвовал бы ты его храму?» Крестьянин без раздумий ответил: «Пожертвовал бы». Чиновник спросил снова: «А если бы у тебя было сто тысяч духовных камней, пожертвовал бы ты их храму?» Крестьянин снова ответил: «Пожертвовал бы».

— Чиновник с удовлетворением подумал: «Жители моих земель так благочестивы в своих подношениях храму. Как же не процветать моей школе, как не крепнуть её судьбе?» Напоследок он спросил: «А если бы у тебя была курица, ты бы, конечно, тоже пожертвовал её храму?»

— Но крестьянин вдруг закричал: «Не пожертвовал бы!» Чиновник, потрясённый, спросил почему. А крестьянин ответил: «Ты что, дурак? Потому что у меня и правда есть курица!»

Хотя это был известный старый анекдот, все из вежливости громко рассмеялись, будто слышали его впервые.

Ректор, смеясь, задумался.

История высмеивала неблагодарных и двуличных простолюдинов, чьи подношения храму были неискренними.

Но какая связь между этим и странным юношей, потребовавшим целую гору?

Старик отложил удочку и пошарил в рукаве.

Рукав его был очень широк, и он долго искал, словно перебирая тысячи свитков.

В конце концов, он извлёк лишь маленькую шкатулку.

Шкатулка была небольшой, квадратной, похожей на шкатулку для румян какой-нибудь барышни.

Но смех у пруда тут же стих. Лицо Сяо Чжо слегка побледнело.

Все уставились на шкатулку, словно в ней была заключена сила десяти тысяч молний. Стоило

её открыть и выпустить содержимое, как небо и земля раскололись бы, а нефритовые горы рассыпались бы в прах.

Пространство вокруг Пруда с тушью исказилось бы и схлопнулось, а все, кто находился у пруда, обратились бы в пепел.

И тут они услышали, как старик негромко произнёс:

— Вы что, забыли? У меня и правда есть курица... нет — целая гора.

Ректор в шоке потерял дар речи. «Не может быть, — подумал он. — Каким бы гениальным ни был этот юноша, он не осмелился бы на такую дерзость».

Он мог бы обратиться с этой просьбой к Бессмертному цитры, к Демону ци, к любому могущественному мастеру в мире. Даже Бог Меча, услышав такое, лишь посмеялся бы, сочтя это юношеской выходкой.

Но Мудрец каллиграфии был другим.

Потому что у него и правда есть курица. То есть, гора.

«Картина весенней горы в шкатулке» была его пространством с горчичное зерно, его самой могущественной божественной способностью.

Эту гору он покорил. На неё он опирался, чтобы утвердить своё место в мире и внушать трепет двести лет.

А теперь какой-то юнец посмел её потребовать.

— Когда мне было пятнадцать, и я впервые создал талисман одним движением кисти, я был очень дерзок и потребовал у своего наставника этот Пруд с тушью. Он отдал мне его не потому, что я тогда был способен им управлять, а лишь потому, что верил: однажды я смогу превзойти его.

Сказав это, старик выпрямился. Его спина вдруг стала прямой, и в одно мгновение он словно превратился из дряхлого старца в гордого и дерзкого юношу.

— А теперь я хочу посмотреть, на что способен тот юнец, что осмелился просить мою гору!